

ПУШКИН И «МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ»

О «Московском наблюдателе» в научной литературе написано немного. О журнале можно найти сведения в «Истории русской журналистики XVIII—XIX веков» (М., 1973), «Краткой литературной энциклопедии» (т. IV, М., 1967), «Истории русской литературы» (т. IV, М.—Л., 1953), «Истории русской литературы XIX века» (М., 1973).

Наиболее интересные и специальные работы о «Московском наблюдателе» принадлежат Н. И. Мордовченко (см. статью «Гоголь и журналистика 1835—1836 годов» в кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследование. М.—Л., 1936 и статью «Московский наблюдатель» (1835—1837)» в кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I, Л., 1950).

В работах Н. И. Мордовченко впервые поставлена тема «Пушкин и «Московский наблюдатель». Во взаимоотношениях Пушкина и сотрудников журнала исследователь проследил внешнюю, фактическую сторону. В статье «Московский наблюдатель» (1835—1837)» он писал: «Пушкин весьма заинтересовался «Московским наблюдателем» и одному из учредителей журнала высказал сожаление, что «не поместил его имени в числе участников». Он напечатал в журнале два стихотворения («На выздоровление Лукулла» и «Туча»), однако остался холоден к журналу и, очевидно, не солидаризировался с его линией по отношению к «торговому направлению». В 1836 году, после того как с резкой критикой «Московского наблюдателя» выступил Белинский, Пушкин «тихонько от наблюдателей» послал Белинскому первый том своего «Современника»¹. При всех достоинствах работ Н. И. Мордовченко тема отношений Пушкина с журналом освещена недостаточно. Между тем о взаимосвязях Пушкина и сотрудников «Московского наблюдателя» нужно говорить основательно и подробно.

С сотрудниками журнала Пушкин был знаком по «Московскому вестнику», в котором сам участвовал. О них поэт писал Дельвигу в 1827 году: «...собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое...» (XIII, 320). В «Путешествии из Моск-

¹ Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I, Л., 1950, с. 373.

вы в Петербург» он доброжелательно отзываясь о московских журналистах и московской критике, сочувственно отмечает критические статьи Шевырева, Киреевского, Погодина. С весны 1835 года эти люди участвуют в издании «Московского наблюдателя».

«Московский наблюдатель» интересен как журнал московской профессуры. Его можно упрекнуть в академичности и незлободневности, зато в нем отсутствовал легковесный и низкопробный материал. Сотрудники журнала серьезно занимаются литературой, искусством, историей, политической экономией, философией.

С самого начала образования «Московского наблюдателя» Пушкин видит в нем близкого союзника в оппозиции против «Библиотеки для чтения», относится к нему заинтересованно. В этом убеждает письмо Мельгунова, написанное Шевыреву весной 1835 года: «Пушкин, с которым я виделся у Вяземского и Жуковского и который пеняет, что он наш, а не шайки смирдинской, заодно с князем Одоевским советует перенести «Наблюдатель» в Петербург»².

Однако надежды, которые Пушкин, как и некоторые петербургские литераторы, связывал с московским журналом, не оправдались. Уже в конце 1835 года Вяземский писал Тургеневу: «Тут Крылов, Пушкин, Одоевский, Плетнев, барон Розен etc.etc... Все в один голос закричали: «Жаль, что нет журнала, куда бы вылить весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего! «Наблюдатель» черт знает что делает...»³. По словам Вяземского можно предположить, что близкие ему литераторы и Пушкин не были удовлетворены академическим характером «Московского наблюдателя» и отсутствием в нем злободневности.

Но быстрое разочарование журналом не исключает внимания Пушкина к его сотрудникам и статьям. К некоторым материалам журнала он возвращался в своих статьях, над некоторыми размышлял. Н. И. Мордовченко писал, что откликами Пушкина на напечатанное в журнале являются заметки о «Недовольных» Загоскина, набросок о «Трех повестях» Павлова, статья в III томе «Современника» «Об обязанностях человека». Сочинение Сильвио Пеллико»⁴. Если о «Недовольных» Загоскина Пушкин делает беглые наброски, в которых с удовлетворением соглашается «со строгим приговором» комедии в московских журналах, то о «Трех повестях» Павлова и о сочинении Сильвио Пеллико пишет более подробно.

---

² А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы. Т. II, 1903, с. 170.

³ Остафьевский архив. Т. III, СПб., 1899, с. 285.

⁴ См.: Н. И. Мордовченко. «Гоголь и журналистика 1835—1836 годов».

Набросок о повестях Павлова написан как своеобразный ответ критику «Московского наблюдателя» Шевыреву. «Г-на Павлова так расхвалили в «Московском наблюдателе», — пишет Пушкин, — что мы в сих строках хотели ограничить наши замечания одними порицаниями...» (XII, 9). В этих словах желание не столько вступить в полемику с Шевыревым, сколько дополнить его наблюдения. И все же в замечаниях Пушкина проступает сдержанный спор. Например, Шевырев пишет, что автор повестей обладает «даром наблюдения души человеческой», умением «вникать в ее движения». Пушкин, не отказывая автору в этих качествах, о повести «Именины» замечает: «Может быть, то же самое происшествие представляло в разительной простоте своей сильнейшие краски и положения более драматические, но требовало и кисти более смелой и более глубины в знании человеческого сердца» (XII, 9).

Обращаясь к «Ятагану», Пушкин, как и Шевырев, пишет о построении повести, об изображении действующих лиц. Он отмечает неудачную развязку и в то же время своеобразие и живость действующих лиц, как бы дополняя и по-своему исправляя Шевырева, который писал: «Происшествие развивается просто, как оно есть, как оно должно быть в обычаях и уставах нашей жизни... Характеров немного: это лица обыкновенные, которые часто попадаются нам в обществе... Но всякий из этих характеров схвачен в глубине своей...»⁵. В замечаниях Пушкин и соглашается, и в чем-то спорит с Шевыревым. Но это спор не антагонистов, а людей, которые связаны давними деловыми отношениями, взаимным интересом к литературной деятельности.

И в статье «Об обязанностях человека». Сочинение Сильвио Пеллико» Пушкин доброжелателен к Шевыреву. В ней поэт вспоминает о заслугах сотрудника «Московского наблюдателя», называет его «писателем с истинным талантом, критиком, заслужившим доверенность просвещенных читателей». Но, признавая заслуги Шевырева, Пушкин не может согласиться с его утверждением, что книга Сильвио Пеллико производит впечатление «сухой и холодно догматической». Пушкин высоко отзывается о книге, сравнивает ее по мудрости, «младенческой простоте сердца» с Евангелием. Он отмечает неожиданность впечатления, производимого сочинением Сильвио Пеллико, в котором читатели вместо жалоб нашли «размышления, исполненные ясного спокойствия... и доброжелательства». Не обращаясь прямо к Шевыреву, Пушкин сдержанно, но настойчиво высказывает свое мнение о книге: «Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы,

---

⁵ С. П. Шевырев. «Три повести» Павлова. — «Московский наблюдатель». М., ч. 1, с. 124—125.

недостойна была бы обратить на себя внимания человека, одаренного сердцем? Не можем поверить, чтобы в самом деле такова была мысль автора «Истории поэзии» (XII, 100).

Положительный отзыв Пушкина встречают не только критические статьи Шевырева. С вниманием он отнесся к вышедшей в конце 1835 года «Истории поэзии». О книге сохранился набросок Пушкина, в котором, хотя и немногословно, он говорит о достоинствах труда Шевырева.

«История поэзии» явление утешительное, книга важная! — пишет Пушкин (XII, 65). В историческом способе изложения он находит основное достоинство труда Шевырева. По мнению Ю. В. Манна, Пушкин оказал определенное влияние на «Историю поэзии». Исследователь считает, что «Шевырев единственный... кто оправдывал ожидания Пушкина в области метода эстетики»⁶.

Из сотрудников «Московского наблюдателя» не один Шевырев пользуется вниманием Пушкина. Внимателен он и к Погодину. Вспомним письмо Пушкина к нему по поводу рецензии Гоголя на книгу Погодина «Исторические афоризмы». «Статья о Ваших афоризмах писана не мною, и я не имел ни времени, ни духа ее порядочно рассмотреть, — пишет Пушкин. — Не сердитесь на меня, если Вы ею недовольны» (XVI, 103—104). Внимательность Пушкина здесь кажется чрезвычайной, потому что Гоголем о книге и о самом авторе сказаны только дружеские слова.

В письме Пушкин предлагает Погодину войти с ним в «сношения литературные и торговые». Пушкин пишет об этом 14 апреля 1836 года. В этот же день просьба принять участие в «Современнике» высказана в письме к другому сотруднику «Московского наблюдателя» Языкову. Как видим, во время работы в «Современнике» Пушкин не только не прекращает связи с московскими литераторами, но и приглашает их принять участие в своем журнале. (Погодин и Языков, хотя немного, будут печататься в «Современнике»). Вероятно, Погодина Пушкин приглашает неоднократно и в письме имеет в виду не эпизодическое сотрудничество. В дневнике Погодина есть интересная запись, сделанная в январе 1836 года: «Думал... о журнале Пушкина. Не отдать ли туда статей, назначенных в мой журнал, т. е. не издавать ли вместе?»⁷. По дневниковым записям можно думать, что и Погодин серьезно размышлял о совместном с Пушкиным участии в издании журнала.

Деловые отношения с сотрудниками «Московского наблюдателя» предполагают возможность для Пушкина полемизировать с Сенковским. Именно в московском журнале он ду-

⁶ Ю. В. Манн. Русская философская эстетика. М., 1969, с. 184.

⁷ Пушкин и его современники. Вып. XXIII—XXIV, Петроград, 1916, с. 120.

мает объявить Сенковскому о «смерти» настоящего Белкина. В письме к Плетневу Пушкин пишет: «Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется из-за угла и тихонько, например в «Московском наблюдателе») объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима?» (XVI, 56). Просьба не случайно адресована в конечном итоге сотрудникам журнала. «Московский наблюдатель» выступает в полемике против «Библиотеки для чтения» на стороне Пушкина.

В статье «Перечень «Наблюдателя»⁸ Шевырев защищает Пушкина от беспринципности, с которой «Библиотека для чтения» судит о поэте, то признавая поэму Виланда «Востола» за поэму Пушкина, то укоряя его за издание такого слабого произведения.

Статья Андросова «Как пишут критику» продолжает полемику против «Библиотеки для чтения» на стороне Пушкина. Она появляется в ответ на статью в журнале Смирдина, в которой, обращаясь к Пушкину, авторы стремились написать о самой неприглядной стороне журнальной полемики и задержать появление «Современника». Андросов считает своим долгом вступить за Пушкина, воспринимает статью «Библиотеки для чтения» как оскорбление поэта и читателей. «Как смеет издавать журнал, — пишет Андросов, — когда этим изволил заняться б. Брамбеус. И еще непростительнее учредить его нарочно против «Библиотеки для чтения». Так по крайней мере могло казаться подозрительному феодалу. Но откуда он это взял? — спросят. Из программы? Ее не было... Ее никто не видал»⁹.

Так сотрудники «Московского наблюдателя» выступают с защитой Пушкина и еще до появления «Современника» мыслят себя его союзниками в полемике против триумvirата.

Союз поэта и участников московского журнала в оппозиции против «Библиотеки для чтения», их деловые отношения закономерны. Сотрудники «Московского наблюдателя» — люди пушкинского круга. Вот почему именно к ним обращается Вяземский с приглашением участвовать в «Современнике» после смерти Пушкина. В письме к Погодину он пишет: «Надеюсь, что Шевырев, Павлов и другие московские литераторы не откажутся участвовать в загробном журнале Пушкина. Нужно необходимо, чтобы в «Современнике» явились имена всех порядочных людей пишущих»¹⁰.

О фактах, которые приведены в статье, необходимо было упомянуть, потому что раньше о них никто не писал. Они полностью не исчерпывают характер отношений Пушкина и сотрудников «Московского наблюдателя». Эти отношения прояв-

⁸ «Московский наблюдатель». М., 1835, ч. 6.

⁹ «Московский наблюдатель». М., 1836, ч. 6, с. 492—493.

¹⁰ Литературное наследство. Т. XVI—XVIII, М., 1934, с. 723.

ляются не в меньшей степени в поэтическом материале журнала. На поэтическом отделе его можно видеть, как тянулись поэты «Московского наблюдателя» к Пушкину, используя его темы, заимствуя образы, хотя это не делало поэзию журнала близкой поэзии Пушкина.

Поэтический отдел «Московского наблюдателя» достаточно оригинален в первое время существования журнала (как, пожалуй, и другие отделы). В нем принимают участие Баратынский, Языков, Хомяков, Шевырев. Баратынский печатает философские пьесы: «Последний поэт», «Недоносок», «Алкивиад». Хомяков выступает впервые со славянофильскими стихами. Здесь напечатаны «Мечта», «Ключ», «Остров» (впоследствии «Альбион»). Из немногих интимных стихов в творчестве Хомякова в «Московском наблюдателе» помещены «Элегия», «К***» («Когда гляжу, как чисто и зеркально...»), «К***» («Благодарю тебя! Когда любовью нежной...»). Последнее стихотворение подписано инициалами А. Х.

Языков участвовал в журнале активнее, чем Баратынский, Хомяков и Шевырев. В «Московском наблюдателе» нередко появляются дружеские послания, характерные для его творчества. Здесь им напечатаны сказка в народном стиле «О диком ведре» и некоторые другие произведения. Впрочем, в дальнейшие годы уже не эти поэты определяли направление поэтического отдела журнала.

Гораздо большее место занимали в нем произведения второстепенных поэтов: Ростопчиной, Якубовича, Ознобишина, Павлова, Тепловой и некоторых других. Стихи второстепенных поэтов романтического направления делают поэтический отдел журнала похожим на многие периодические издания 30-х годов. И тем не менее они представляют для нас своеобразный интерес. Этот интерес заключен в заметном следовании поэтов «Московского наблюдателя» пушкинским традициям. Подражание Пушкину чаще бывало неловким, не очень органичным. Но сам по себе факт такого подражания проливает дополнительный свет на отношения поэтов «Московского наблюдателя» к Пушкину.

О внешнем сходстве с пушкинским «Воспоминанием» одного из стихотворений Менцова, напечатанных в «Московском наблюдателе», при коренном расхождении художественных принципов Пушкина и Любомудров писал Е. А. Маймин.

Не меньшее сходство со стихами Пушкина можно наблюдать в стихотворении Якубовича «Кавказ» (напечатано во II книжке «Наблюдателя» за август 1836 года):

Приют недоступный могучих орлов,
Державных и грозных гранитных хребтов,
Всемирная крепость надоблачных гор
Дивит и чарует наездника взор.
Где громы грохочут, шумит водопад

И молния реет в ущельях громад, —
Душе моей любо: ей в пору чертог —
Престол где громовый воздвиг себе бог!
Там мысли привольно по небу летать,
Весь ужас, всю прелесть грозы созерцать!
Туда бы, покинув заботливый мир,
Желал я умчаться, как птица в эфир.

В стихотворении Якубовича слились впечатления от двух пьес Пушкина, написанных во время пребывания на Кавказе: «Монастырь на Казбеке» и «Кавказ». Свою пьесу Якубович пишет тем же размером, каким написано стихотворение Пушкина «Кавказ». Природе Кавказа посвящены оба стихотворения. И нельзя не заметить, что Якубович как будто вспоминает и представляет ее по строкам Пушкина. Ср. у Пушкина:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье. (III, [I], 196).

Но пушкинский пейзаж написан почти с географической точностью. В описаниях же Якубовича природа представляется мало конкретной.

Поэт в пушкинском стихотворении — тонкий и внимательный наблюдатель. Природа, увиденная его глазами, безмолвна и величественна. Поэт одинок в ее мире. И только своенравный Терек с бесплодными порывами к воле — самый близкий ему образ, в котором угадываются заветные желания поэта. Но быть свободным ему так же невозможно, как невозможно вырваться на волю закованному в «немые громады» Тереку. Трагическое одиночество поэта особенно ощутимо на фоне безмолвия и величия природы.

В стихотворении Якубовича природа Кавказа «дивит и чарует наездника взор». Она тот чертог, который восхищает поэта и к которому он стремится от «заботливого мира». В этом желании он близок пушкинскому поэту в стихотворении «Монастырь на Казбеке». Заключительные строки Якубовича созвучны пушкинским. Вспомним Пушкина:

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью... и т. д.

Но сходство и этих пушкинских строк со стихами Якубовича внешнее. Противопоставление «заботливого мира» свободному эфиру в стихотворении Якубовича — традиционная формула романтика. В пушкинском стихотворении стремление к «вольной вышине» имеет глубоко личный смысл.

Явные ассоциации с Пушкиным можно отметить в стихотворении Якубовича «Кладбище» (напечатано в 8-й книжке «Московского наблюдателя» за 1836 год):

Обитель мира и печали,
 Куда в разбеге роковым
 Уж волны вечности примчали,
 Так много смертных в вечный дом!
 Смотрю на град твой, думы полный,
 И мне б хотелось угадать:
 Куда примчат все те же волны
 Меня, чтоб вечно почивать?
 Где будет домик мой укромный:
 Отчизны ль в милых мне местах?
 Или в стихии вероломной?
 Иль в чужеземных пустырях?
 Не все ль равно: четыре доски,
 Земля да дерн, да крест простой —
 Иль на могиле камень плоский:
 Вот все, что прах сокроет мой!
 Но я, в молитве жаркой, Бога —
 Хотел бы втайне умолить,
 Чтобы близ милого порога
 Пришлось прах мой положить:
 Не это ль в нас небес задаток,
 Бессмертья дальний, светлый луч,
 Любви духовной отпечаток,
 К загробной жизни тайной ключ?

По форме стихотворение Якубовича повторяет пушкинское «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Якубович пишет «Кладбище» также 4-стопным ямбом и четверостишиями с перекрестной рифмовкой. Под влиянием Пушкина «Кладбище» получает философскую направленность: в стихотворении главной становится мысль о неизбежности смерти, о желании найти вечный покой «близ милого порога». В некоторых строфах очень заметное сходство с пушкинскими стихами в поэтических выражениях, в синтаксисе. Ср. с Пушкиным:

И где мне смерть пошлет судьбина?
 В бою ли, в странствии, в волнах?
 Или соседняя долина
 Мой примет охладелый прах?
 И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать,
 Но ближе к милому пределу
 Мне все б хотелось почивать. (III, [I], 195).

У Пушкина постановка темы и ее решение органичны. В конечных строках заключен философский итог, мудрое понимание закона бытия.

В «Кладбище» мысль о неизбежности смерти является чуждой, привнесенной. Она не получает развития в стихотворении. Поэтому философская направленность его остается внешней. А заключительная строфа, дающая стихотворению неожиданный поворот, ее мистическая окраска делает «Кладбище» Якубовича далеким от пушкинской пьесы.

Подражание Пушкину в стихах Якубовича внешне достаточно заметно. Гораздо более тонкое влияние поэта испыты-

вает другой поэт «Московского наблюдателя» Хомяков. Обратимся к его «Элегии», напечатанной в первой части журнала за 1835 год:

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлет дольний мир, и ветер прохладный дует,
И синим сумраком одеты небеса,
И землю сонную луч месяца целует, —
Мне страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть одним, и сердце сердца просит,
И голос трепетный то ропщет на судьбу,
То имена любви невольно произносит...
Когда ж в час утренний проснувшийся Восток
Выводит с торжеством денницу золотую
Иль солнце льет лучи, как пламенный поток,
На ясный мир небес, на суету земную, —
Я снова бодр и свеж; на смутный быт людей
Бросаю смелый взгляд, улыбку и презренье
Одни я шлю в ответ грозам судьбы моей,
И радуется мое уединенье.
Готовая к борьбе и крепкая как сталь,
Душа бежит любви, бессильного желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питает гордую безгласную печаль.

Ситуативно «Элегия» близка пушкинскому «Воспоминанию»: в этих пьесах лирический герой остается наедине с ночью. Стихотворения начинаются описанием ночи. В синтаксисе начальных строк можно заметить сходство: у Пушкина «Когда для смертного умолкнет шумный день...», у Хомякова «Когда вечерняя спускается роса...». Главный момент стихотворений — изображение внутреннего состояния лирического героя. И в описании душевного волнения, грусти и тоски Хомяков в поэтике невольно следует за Пушкиным. Изображение чувств, захвативших героя, покоряет искренностью:

Мне страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть одним, и сердце сердца просит,
И голос трепетный то ропщет на судьбу,
То имена любви невольно произносит...

Глубина этих строк достигается благодаря пушкинской поэтике.

Прямое подражание Пушкину (как это было у Менцова и Якубовича), невольное следование пушкинской поэтике (что можно наблюдать, например, у Хомякова) — это не только дань традиции 30-х годов, но и, быть может, не осознанная поэтами «Московского наблюдателя» оглядка на Пушкина. При этом, какая бы близость ни отмечалась в стихах поэтов журнала с Пушкиным, их поэтика, литературный метод противоположны в своей основе.

Наблюдения над поэтическим отделом «Московского наблюдателя» дополняют картину отношений сотрудников журнала и Пушкина. Но наиболее полно ее можно представить с

учетом высказываний Шевырева о Пушкине после его смерти и фактов, касающихся переводческой деятельности Шевырева.

В «Московском наблюдателе» Шевырев печатает поэтический опыт — перевод 7-й песни «Освобожденного Иерусалима». Выступая новатором стиха, он в предисловии к переводу вспоминает «Послание к Пушкину» «как представителю нашей поэзии» (напечатано в 1831 году в «Телескопе»). «Послание» имеет для Шевырева принципиальное значение. В нем он в поэтической форме возвращается к своей любимой мысли о реформе русского стиха, который был бы способен вынести груз мысли:

Что ж ныне стал наш мощный богатырь?
Он, гальскою диетой замучен,
Весь испитой, стал бледен, вял и скучен,
И прихотлив, как лакомый визирь,
Иль сибарит, на розах почивавший,
Недужные стенанья издававший,
Когда под ним сминался лепесток.
Так наш язык: от слова ль праздный слог
Чуть отогнешь, небрежно ль вынешь,
Уж болен он, не вынесет, крятит,
И мысль на нем как груз какой лежит!
Лишь песенки ему да брани милы;
Лишь только б ум был тихо усыплен
Под рифменный, отборный пуствозвон.

«Послание к Пушкину» — это программа поэта-новатора, и с ней Шевырев обращается именно к Пушкину, называя его «нашим депутатом на европейском вече», «колоколом во славу россиян». Критик «Наблюдателя» хорошо понимает значение Пушкина для русской поэзии, для России. В письме Шевырева к Погодину слова «Пушкин и Россия» стоят рядом и мыслятся равновеликими¹¹.

Шевырев выдвигает свой путь развития русской поэзии. Поэзии, которой принадлежит будущее, по мнению Шевырева, необходимы новые рифма, форма, язык. Это новое он стремится показать в переводе Тассо.

И поэтическим экспериментом, и «Посланием к Пушкину» Шевырев приглашает поэта к обсуждению задуманной им реформы русского стиха. Сам Пушкин ни в письмах, ни в статьях прямо не говорит о своем отношении к новшествам Шевырева. Хотя искусственность и несообразность поэтических опытов он чувствовал несомненно не хуже Вяземского, который с иронией писал об октавах Шевырева Тургеневу: «Шевырев швыряет в нас Тассовыми октавами, в коих нет ни ладу, ни складу. Оно и не по-русски, и не по-итальянски, а разве по-Третьяковски-Мерзляковски»¹².

¹¹ В письме от 20 июня 1830 года Шевырев пишет: «...я в Риме лучше понял назначение России и Пушкина».

¹² Остафьевский архив. Т. 3, СПб., 1899, с. 286.

Оценка Вяземского, ищущего свой путь в поэзии, вполне понятна. По существу Пушкин близок в ней с Вяземским. Пушкинским ответом на эксперименты Шевырева можно считать, например, поэму «Домик в Коломне», написанную своими октавами. Poleмику с Шевыревым Пушкин ведет непрямо, очень деликатно, несмотря на то, что реформу стиха, предложенную Шевыревым, он явно не принимает.

В статье Шевырева о Пушкине, написанной после смерти поэта, впервые отношение к личности Пушкина и его творчеству было высказано полно и отчетливо. И это мысли не только Шевырева, но и сотрудников «Московского наблюдателя».

Статья «Перечень «Наблюдателя» посвящена произведениям Пушкина 30-х годов. Творчество поэта Шевырев воспринимает с точки зрения своей эстетической системы. О достоинствах и недостатках поэзии Пушкина критик судит по-своему.

Шевырев анализирует три пьесы из напечатанных в «Современнике»: «Лицейская годовщина» («Была пора...»), «...Опять на родине...» («Вновь я посетил...»), «Молитва» («Отцы пустынноики и жены непорочны...»). Он выбирает несомненно сложные философские произведения, умалчивая о «Сценах из рыцарских времен», стихотворении «Д. В. Давыдову». Не рассматривает и статей Пушкина «Последний из родственников Иоанны д'Арк», «О Мильтоне и о Шатобриановом переводе «Потерянного рая».

Философские стихи Пушкина Шевырев оценивает как поэтнолюбимудр, в поэтике которого основным является «заданность поэтической мысли»¹³.

Заданность поэтической мысли он находит у Пушкина в стихотворении «Лицейская годовщина». Заданной, по его мнению, является мысль о дружбе. «Лицейская годовщина», — пишет Шевырев, — внушена тем неизменным чувством дружбы, которое составляло самую резкую черту в нравственном характере Пушкина. Дружба была для него чем-то святым, религиозным»¹⁴.

Сложное, глубокое стихотворение-раздумье «...Опять на родине...» для Шевырева — «привет, завещание к молодому поколению». Критик находит в нем то, что близко его пониманию. Поэтому так важно для Шевырева письмо Пушкина к Нащокину о шумной и растущей семье поэта как иллюстрация к данному стихотворению. И здесь Шевырева интересует прежде всего чувство, «...которое, проистекая в нас из сознания собственных сил, делает нас способными к великому самоотвержению»¹⁵.

В размышлениях о лирике Пушкина поэтическая форма и язык для Шевырева не являются главными. Критик ищет в

¹³ См. у Е. А. Маймина.

¹⁴ «Московский наблюдатель», М., ч. XII, с. 313.

¹⁵ Там же, с. 315.

стихах мысль, которая рождается из чувства души. Важным для него является даже не само чувство, а его выражение. Это становится ясным при анализе пьесы «Молитва». «Его «Молитва», — пишет Шевырев, — дышащая всею красотой христианского покаяния, умиляет сердце другим чувством, которое, как мы видим, постоянно покоилось в душе его, но никогда не преобладало в поэзии: это чувство религиозное. Неужели даром такое вдохновение осенило душу поэта незадолго до его кончины?». Задавая такой вопрос, Шевырев отвечает на него, философствуя, домысливая по-своему: «В роковых переломах нашей жизни, всегда, со дна души, поднимаются ее основные, внутреннейшие чувства: среди обыкновенного течения дней они забыты, засорены впечатлениями света, заботами и суетами поминутными. Это клад души, который она бережет про черный день, — и когда он наступает, когда приходит тяжкое испытание, тогда чистеет дно души, и с него-то, если душа не пуста, поднимается жаркая молитва»¹⁶.

Пушкинские пьесы приоткрывают критику душевный мир поэта. По ним Шевырев представляет человеческий облик Пушкина. Романтическое восприятие критика «Московского наблюдателя» хорошо чувствуется в его лексике: «роковые переломы нашей жизни», «засорены впечатлениями света, заботами, суетами поминутными», «клад души».

Шевырев привык и хочет видеть Пушкина романтиком. И, трактуя новые произведения в старом ключе, он, конечно, не может не чувствовать глубины их содержания и чувства, их новаторства.

Философская поэзия, о которой так много говорили поэты-любомудры, была новой ступенью поэтического развития Пушкина, его достижением. Любомудры хотели быть новаторами, требовали новаторства от Пушкина, не замечая того, что он оставил их далеко позади в своем поэтическом развитии.

Шевырев — первый, кто заговорил о поэме «Медный всадник». В анализе ее критик отмечает совершенство поэтической формы. Отдавая в этом дань Пушкину, он отказывает ему в умении мыслить и полно раскрыть идею произведения. Главная мысль поэмы, по мнению Шевырева, заключена в герое, а «безымянный герой» «Медного всадника» близок герою поэмы «Кавказский пленник» по второстепенной роли, которая им принадлежит в поэмах. Критик считает, что сама картина наводнения уже является темой поэмы, потому что описание стихии подавляет «главное действие и безымянного героя». Недостатки и достоинства поэмы Шевырев определяет как недостатки и достоинства всего поэтического творчества Пушкина. Критик, считая «Медный всадник» самым зрелым произведе-

¹⁶ «Московский наблюдатель», М., ч. XII, с. 314.

нием по форме, пишет: «Великий мастер в отделке, всегда оконченной до возможной полноты, и потому первый художник русского стиха, имеющий только одного достойного соперника в своем учителе Жуковском, Пушкин, столько прилежный и рачительный в исполнении, почти всегда довольствовался одним эскизом в изобретении. Этот характер почти всех произведений, как мы в свое время постараемся доказать, открылся и на самом последнем»¹⁷.

В утверждении, что в поэме «главная мысль... эскизована» проявляется основное требование поэтики Шевырева. Поэтическое произведение — это подробное развитие основной мысли. Основная мысль у Любомудров как тезис, для подтверждения которого служит все произведение. Основываясь на этом, Шевырев еще в 1831 году писал о пушкинских пьесах в письме к Погодину: «Они в нем афоризмы, а не выливаются из одного полного чувства»¹⁸.

Недосказанность поэтических произведений Пушкина, делающая их неповторимыми, Шевыревым и сотрудниками журнала воспринимается как недостаток в творчестве поэта.

По статье Шевырева можно видеть, как пытались по-своему осмыслить поэтику Пушкина сотрудники журнала и не поняли в ней главного.

Для сотрудников журнала Пушкин — великий поэт России, влияние которого они не могут не испытывать. При этом достижения его для участников «Московского наблюдателя» остаются недоступными. И это противоречие многое объясняет в своеобразии отношений Пушкина и московских журналистов.

---

¹⁷ «Московский наблюдатель». М., ч. XII, с. 316.

¹⁸ Литературное наследство. Т. XVI—XVIII, М., 1934, с. 749.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД · 1977